

DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.6
 УДК 332.14:338.2 | ББК 65.050.22 (2Рос-12)

© Атаева А.Г., Уляева А.Г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРАЦИИ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

АЙСЫЛУ ГАРИФУЛЛОВНА АТАЕВА

Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное
 подразделение УФИЦ РАН
 Уфа, Российская Федерация
 e-mail: ice_lu@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-2835-0147; ResearcherID: O-4507-2015

АЛСУ ГАРИФУЛЛОВНА УЛЯЕВА

Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное
 подразделение УФИЦ РАН
 Уфа, Российская Федерация
 e-mail: ulyaeva.a.g@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-4570-8403; ResearcherID: O-4485-2015

В условиях актуализации климатической повестки, перехода к экономике замкнутого цикла и цифровизации управления возрастает потребность в переосмыслении стратегического инструментария регионального планирования. В статье рассматриваются методические подходы к интеграции принципов устойчивого развития в региональные стратегии социально-экономического развития. Несмотря на то, что повестка ООН до 2030 года задает универсальные ориентиры, на региональном уровне Российской Федерации эти принципы реализуются не системно и зачастую формально. Цель исследования – разработать методологические основания и практические рекомендации по включению устойчивости в стратегические документы субъектов Российской Федерации. Осуществлен контент-анализ стратегий социально-экономического развития девяти регионов, отобранных по результатам кластеризации на основе уровня и динамики валового регионального продукта. Анализ проведен по шести критериям, отражающим степень декларативности, системности и операционализации принципов устойчи-

Для цитирования: Атаева А.Г., Уляева А.Г. (2025). Методические подходы к интеграции принципов устойчивого развития в региональные стратегии социально-экономического развития // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 82–105. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.6

For citation: Ataeva A.G., Ulyeva A.G. (2025). Methodological approaches to the integration of sustainable development principles into regional strategies for socio-economic development. *Problems of Territory's Development*, 29(6), 82–105. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.6

вого развития в стратегиях. Результаты показывают значительную вариативность: от полного игнорирования принципов устойчивости до комплексного их включения в цели, индикаторы и механизмы реализации. Наиболее слабыми звеньями остаются экологическая составляющая и система индикативного мониторинга. Авторы предлагают прикладной фреймворк интеграции устойчивости на всех этапах стратегического цикла: от аналитики и сценариев до механизмов мониторинга и общественного согласования. Подчеркивается необходимость адаптации подходов к специфике регионов и отказ от универсальных решений в пользу контекстно-чувствительных методик. В ходе исследования применялись методы сравнительного анализа и синтеза, экономического и статистического анализа. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования методического инструментария стратегического планирования и разработки новых рекомендаций на федеральном уровне.

Устойчивое развитие, стратегия, контент-анализ, социально-экономическое развитие, субъекты Федерации.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

Введение

Повестка дня в области устойчивого развития (УР) на период до 2030 года¹, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН, закрепляет универсальные ориентиры и цели, требующие адаптации на национальном и субнациональном уровнях. Для Российской Федерации, обладающей выраженной территориальной дифференциацией и неоднородной институциональной средой, проблема интеграции принципов устойчивого развития в стратегические документы регионального уровня является особенно актуальной. Несмотря на наличие нормативных основ стратегического планирования (в частности, Федерального закона № 172-ФЗ² и методических рекомендаций Минэкономразвития России³), действующие стратегии социально-экономического развития субъектов РФ были разработаны и/или актуализированы в разное время и в большинстве своем соответствуют утвержденным на федераль-

ном уровне методическим требованиям скорее формально, чем содержательно (Будаева, Климанов, 2014; Шеломенцев и др., 2017). Недостаточное методическое обеспечение, а также отсутствие адаптированных на региональном уровне индикаторов достижения целей устойчивого развития затрудняют реализацию системного подхода к стратегическому управлению.

Следует подчеркнуть, что действующее федеральное регулирование не содержит прямого предписания субъектам РФ по обязательному включению принципов устойчивого развития в региональные стратегии. Это придает исследованию дополнительную значимость: устойчивость рассматривается не как формально навязанная конструкция, а как возможный осознанный выбор региональных властей, направленный на обеспечение долгосрочной результативности и согласованности развития.

¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения 19.06.2025).

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102354386> (дата обращения 19.06.2025).

³ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации: утв. приказом Минэкономразвития России от 23 марта 2017 года № 132. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_28_iyunya_2024_g_397.html (дата обращения 19.06.2025).

Цель настоящего исследования состоит в разработке и научном обосновании методических подходов к интеграции принципов устойчивого развития в региональные стратегии социально-экономического развития. В связи с этим предлагается ответить на следующие исследовательские вопросы:

1. Какие модели и подходы к территориальному планированию на основе принципов УР, реализуемые в международной практике, могут быть адаптированы к российским условиям?

2. Каков характер и содержание текущей системы стратегического планирования устойчивого развития на региональном уровне: декларируют и/или адаптируют ли действующие стратегии субъектов РФ принципы устойчивого развития? Учитывают ли региональные стратегии влияние глобальных вызовов на долгосрочные параметры развития территории?

3. Как можно формализовать взаимосвязь между целями устойчивого развития и целеполаганием в стратегических документах субъектов РФ?

4. Какой должен быть контур / фреймворк разработки стратегии, основанной на принципах устойчивого развития?

Ответы на эти вопросы позволят сформировать научно обоснованную и прикладную базу для повышения качества регионального стратегического планирования с учетом императивов устойчивого развития.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии теоретико-методологической рамки, позволяющей выявлять и измерять степень институционализации принципов устойчивого развития в стратегических документах регионального уровня. Несмотря на наличие практической потребности в интеграции принципов устойчивости, до настоящего времени не сформирован воспроизводимый инструментарий, для сопоставления декларативных элементов стратегий с их фактическим управленческим воплощением. Тем самым возникает разрыв между содержательным и инсти-

туциональным уровнями стратегического планирования, преодоление которого требует разработки методики, объединяющей формализованный анализ текстов и эмпирическую верификацию механизмов реализации.

Научная новизна исследования связана с разработкой и апробацией методического подхода к оценке степени институционализации принципов устойчивого развития в стратегических документах регионального уровня. Предлагаемая модель сочетает контент-анализ с элементами верификации управленческой практики, что позволяет перейти от декларативного описания стратегий к эмпирически проверяемым оценкам их содержательной и институциональной зрелости.

Теоретико-методологические основы исследования

Концепция устойчивого развития (sustainable development) утвердилась в международной научной и политико-управленческой повестке как ответ на нарастание экологических, социальных и институциональных рисков, ограничивающих эффективность традиционных моделей роста. Классическое определение устойчивого развития, предложенное в Докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987)⁴, предполагает удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущемления возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Данное определение заложило основу для формирования целостной рамки, в которой развитие рассматривается как баланс трех взаимосвязанных измерений – экономического, социального и экологического.

В последующие десятилетия теоретическое осмысление устойчивого развития развивалось по нескольким направлениям. В эколого-экономических теориях (Daly, 1991; Pearce, Barbier, 2000) подчеркивается приоритет экологических ограничений и не-

⁴ Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения 19.06.2025).

обходимость переоценки производственно-потребительской парадигмы. В рамках институционального подхода (North, 1990; Ostrom, 2009) устойчивость понимается как способность систем к саморегуляции и адаптации за счет устойчивых институтов и механизмов управления. Социальные теории устойчивости акцентируют внимание на справедливости, социальной инклюзии и участии (Sen, 1999; Raworth, 2017), дополняя экономико-экологические рамки гуманитарной компонентой. Современная междисциплинарная рамка устойчивого развития закреплена в Повестке-2030 и Целях устойчивого развития (ЦУР), принятых ООН в 2015 году. Включая 17 целей и 169 задач, они охватывают ключевые аспекты социально-экономической, экологической и институциональной трансформации. ЦУР носят универсальный характер, но предполагают территориальную локализацию и адаптацию с учетом контекста конкретных стран и регионов.

В этом аспекте возрастает значение регионального уровня как промежуточного звена между глобальными приоритетами и локальной реализацией.

Для регионального стратегического планирования устойчивое развитие представляет не только содержательную рамку, но и методологический ориентир. Тем не менее, как показывают исследования (Spangenberg, 2004; Naughton, Counsell, 2004), интеграция устойчивого развития в планирование территорий требует переосмысления самой логики планирования: перехода от линейных, технократических моделей к системным, адаптивным и рефлексивным.

В отечественных исследованиях, посвященных территориальному планированию на основе принципов устойчивого развития, выделяется несколько ключевых направлений. Активно развивается направление по адаптации международных ориентиров устойчивого развития (Повестка-21, ЦУР, ESG-повестка) к российской институциональной и нормативной среде (Бобылев и др., 2025; Ланьшина, 2019; Рязанова, Меньшов, 2018; Сахаров, 2025). Исследуется

специфика внедрения ESG-концепции в систему регионального и корпоративного управления (Зайцев, Хапилина, 2022; Измайлова, 2023; Калицева, 2023; Лекторова и др., 2024), включая оценку влияния корпоративных практик на территориальное развитие. Выделяется направление, связанное с построением рейтингов и методик измерения устойчивости территориальных систем с использованием унифицированных индикаторов (Бобылев и др., 2018; Буренина, Быль, 2016; Ершов и др., 2022; Новосельцева и др., 2023). Кроме того, повышается внимание к экологизации управления территориальным развитием и анализу региональных стратегий в контексте декарбонизации и «зеленой» модернизации (Гайнанов и др., 2023; Каранина, Картавых, 2023; Турцева, 2022; Сахаров, 2024).

Наконец, формируется отдельная ветвь исследований, посвященных устойчивому развитию городских и сельских территорий: циркулярной экономике и «зеленой» инфраструктуре в городах (Ерзнкян, Фонтана, 2021; Амиантов, 2022; Гагарина, 2023), а также инклюзивному и креативному развитию сельских территорий (Акимова и др., 2022; Иванюга, 2025; Мирошниченко, 2023; Полушкина и др., 2022).

Эти направления отражают постепенное формирование в российской науке системного подхода к устойчивому развитию регионов – от концептуальной адаптации международных принципов к поиску собственных методик и индикаторов. Однако в российской практике интеграция принципов УР в стратегии социально-экономического развития субъектов РФ пока остается ограниченной. Эмпирические исследования демонстрируют, что упоминание ЦУР в стратегиях часто носит декларативный характер, а механизмы их реализации не формализованы (Коршунов, 2022). Это обусловлено как методологическими, так и институциональными барьерами, включая слабую межведомственную координацию, недостаток индикативных инструментов и слабое вовлечение заинтересованных сторон.

В отдельных зарубежных странах также можно найти примеры неполной/частичной реализации принципов устойчивости. Так, исследование муниципалитетов Италии показывает, что внедрение ЦУР используется преимущественно в качестве риторического или символического ресурса, не будучи встроенным в процедуры целеполагания, программирования и мониторинга (Guarini, 2021). Сходные проблемы выявлены в городском планировании и управлении туризмом в Казахстане, где устойчивость декларируется, но не операционализируется через показатели и механизмы оценки (Mamutova, 2020).

В научной литературе выделяется несколько ключевых подходов к стратегическому планированию устойчивого развития:

1) интегративный подход, предполагающий межсекторную координацию и комплексность стратегий, охватывающих экономику, общество и экологию (Spangenberg, 2004; Комаров и др., 2021);

2) адаптивное планирование, опирающееся на непрерывный мониторинг, корректировку стратегий и учет неопределенности внешней среды (Walker et al., 2001);

3) индикативный подход, предполагающий использование количественных и качественных индикаторов для измерения прогресса по целям устойчивого развития; это не обязательно могут быть общепринятые индикаторы (валовый региональный продукт), но и различные варианты агрегированных индексов (Cobb, 2007; Moldan et al., 2012; Costanza et al., 2016);

4) территориально-чувствительное планирование, при котором стратегия опирается на особенности местного контекста, уровень уязвимости и потенциал региональных сообществ⁵.

Концептуальная рамка настоящего исследования строится на синтезе инте-

гративного и индикативного подходов подобно методологии устойчивости территориальных систем как комплексных социально-экологических систем (SES) (Folke et al., 2010). Во-первых, устойчивое развитие рассматривается как трансверсальный принцип, который должен быть встроен в целеполагание, программные меры и мониторинг стратегий регионального развития. Во-вторых, особое внимание уделяется локализации принципов устойчивого развития в региональном контексте, что предполагает адаптацию индикаторов, учет территориальных уязвимостей и вовлечение локальных акторов. В-третьих, под устойчивой региональной стратегией понимается документ, обеспечивающий согласованность между краткосрочными приоритетами развития и долгосрочными императивами экологической, социальной и институциональной устойчивости.

Таким образом, устойчивое развитие в региональном планировании представляет собой не просто тематическое направление, а методологическую парадигму, предполагающую системный, рефлексивный и управляемый процесс формирования будущего региона в условиях ограничений и неопределенности.

Прежде чем переходить к анализу региональных стратегий социально-экономического развития, целесообразно рассмотреть, в какой степени принципы устойчивого развития учитываются в стратегических документах федерального уровня, формирующих рамочные ориентиры для региональной политики. В данном контексте ключевое значение приобретает Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁶, поскольку именно она задает приоритеты, механизмы и модель управления территориальным развитием.

⁵ OECD. (2020). A territorial approach to the Sustainable Development Goals: Synthesis report. OECD Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1787/e86fa715-en>

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения 19.06.2025).

Стратегия пространственного развития России позволяет выявить отдельные элементы, соотносимые с логикой устойчивого развития, несмотря на отсутствие прямой декларации принципов устойчивости или отсылок к ЦУР ООН. Однако, несмотря на то что документ выступает одним из ключевых инструментов реализации государственной региональной политики и стратегического территориального планирования, устойчивое развитие не занимает в нем концептуально-методологическое место.

В Стратегии зафиксирован ряд положений, связанных с обеспечением сбалансированного социально-экономического роста территорий, сокращением межрегиональной дифференциации, улучшением качества жизни, доступом к базовым услугам и адаптацией к климатическим рискам. Эти приоритеты в совокупности можно интерпретировать как стремление к формированию устойчивых моделей регионального роста. Значительное внимание в документе уделяется климатической повестке, тем не менее экологическая составляющая устойчивого развития рассматривается преимущественно через призму необходимости адаптации глобальной повестки, а не как ценностно-нормативная основа долгосрочной региональной политики. Экономическая составляющая устойчивости в Стратегии реализуется через ряд мер (развитие кластеров, кооперации), однако они в большей степени ориентированы на обеспечение технологического и территориального суверенитета, чем на переход к низкоуглеродной или циркулярной экономике.

Таким образом, хотя Стратегия не опирается на устойчивое развитие в качестве методологической и ценностной основы, она содержит ряд положений, которые тематически и функционально могут быть сопряжены с его ключевыми измерениями. Эти положения могут стать отправной точкой для институционализации устойчивого развития в региональных стратегиях при условии последующего методического усиления и внедрения индикативных систем.

Следующий аналитический шаг заключается в изучении того, как принципы устойчивого развития отражаются в стратегиях на региональном уровне.

Данные и методы

Для оценки степени интеграции принципов устойчивого развития в региональные стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации проводился содержательный анализ официальных текстов стратегий с опорой на формализованный набор критериев.

На первом этапе осуществлена выборка стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на основе метода кластеризации регионов по двум показателям: 1) значение валового регионального продукта в расчете на душу населения в 2022 году; 2) темп роста подушевого ВРП на душу населения за период 2007–2022 гг. (показатели приведены в сопоставимый вид). Кластеризация субъектов Федерации проведена на основе значений двух показателей методом k-средних (количество групп – 5), затем для каждой из групп отобраны по два региона (из числа лидеров и аутсайдеров), стратегии которых включены в выборку.

Выборка на основе кластеризации использована в целях исключения влияния политических, климатических и географических факторов; например, отбор для оценки субъектов одного федерального округа может привести к тому, что в выборке окажутся регионы со схожим социально-экономическим профилем, подверженностью одним и тем же экологическим и климатическим вызовам; кроме того, наличие общеполитического курса в рамках федерального округа также может привести к снижению вариативности текстов стратегий. Выбор субъектов по границам групп (лидер и аутсайдер) позволит также сравнить стратегии регионов, имеющих близкое друг к другу значение уровня душевного ВРП и темпов его роста.

На втором этапе проведен частотный анализ текстов стратегий регионов с целью определить частоту появления ключевых

фраз исследования: «устойчивое развитие», «устойчивость», «вызов», т. е. выявить степень декларирования терминологии устойчивости. Процесс включал следующие этапы: подготовку данных (загрузка текстов стратегий, очистка текста, приведение к единому реестру); токенизацию (разбиение на единицы); лемматизацию (приведение слов к базовой форме); подсчет частот; анализ и визуализацию результатов. Кластеризация и частотный анализ проводились в среде RStudio. Результаты компьютерного частотного анализа затем были верифицированы экспертной проверкой (на предмет использования терминов с учетом контекста).

На третьем этапе проведен собственно контент-анализ текстов стратегий. Цель анализа – выявление не декларативного, а структурно-функционального учета устойчивого развития как категории стратегического планирования. Особое внимание уделено устранению субъективной интерпретации путем использования бинарной логики (0/1) по каждому параметру.

Анализ проводился по шести основным критериям, позволяющим зафиксировать как факт включения принципов устойчивости в структуру документа, так и глубину их операционализации (т. е. развертывания целей в перечень действий).

К0 «Устойчивое развитие». Наличие в тексте стратегии прямого упоминания термина «устойчивое развитие» – свидетельствует о признании соответствующей повестки на уровне понятийного аппарата.

К1 «Вызовы». Упоминание в тексте стратегии, классификация и ранжирование глобальных вызовов – имеет важное значение для формирования комплекса приоритетов устойчивого развития региона.

К2 «Системность». Наличие системного подхода к устойчивому развитию, то есть его интеграции в ключевые структурные элементы стратегии: цели, задачи, принципы, приоритетные направления. Устойчивость рассматривается не как частный раздел, а как методологическая рамка планирования.

К3 «Экономика», «Социальная сфера», «Экология» (по 1 баллу за каждое измерение). Отражение трех взаимосвязанных

измерений устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Примеры наличия целей/задач по измерениям: экономическое (рост производительности труда, диверсификация экономики, поддержка малого бизнеса), социальное (повышение качества жизни, снижение бедности, улучшение демографии), экологическое (охрана природы, снижение загрязнения, рациональное использование ресурсов). Каждое из измерений оценивалось по наличию соответствующих целей, задач или приоритетов.

К4 «Индикаторы». Наличие конкретных индикаторов или показателей устойчивости, позволяющих осуществлять мониторинг прогресса (например, уровень выбросов, качество среды, индекс человеческого развития и др.) – свидетельствует о попытке операционализировать концепцию устойчивости.

К5 «Механизмы». Наличие механизмов реализации и мониторинга целей устойчивого развития (зафиксированы ли в стратегии процедуры регулярной оценки, системы индикативной отчетности, структурные механизмы реализации, например специальные координационные органы или цифровые платформы).

«Итоговая оценка». Максимальное количество баллов по каждому документу составляет 8. Полученные значения позволяют построить сводный рейтинг регионов по степени интеграции принципов УР, а также выделить доминирующие типы стратегического подхода (декларативный, фрагментарный, комплексный).

Таким образом, методика предполагает сбор репрезентативного разнородного материала для оценки стратегий с позиций устойчивого развития.

Результаты

Характеристика выборки субъектов.

Проведенная кластеризация субъектов РФ по уровню подушевого ВРП по итогам 2022 года и темпу роста ВРП в 2007–2022 гг. позволила выделить пять групп регионов, из каждой в дальнейшем отобраны по два субъекта (рис. 1, табл. 1).

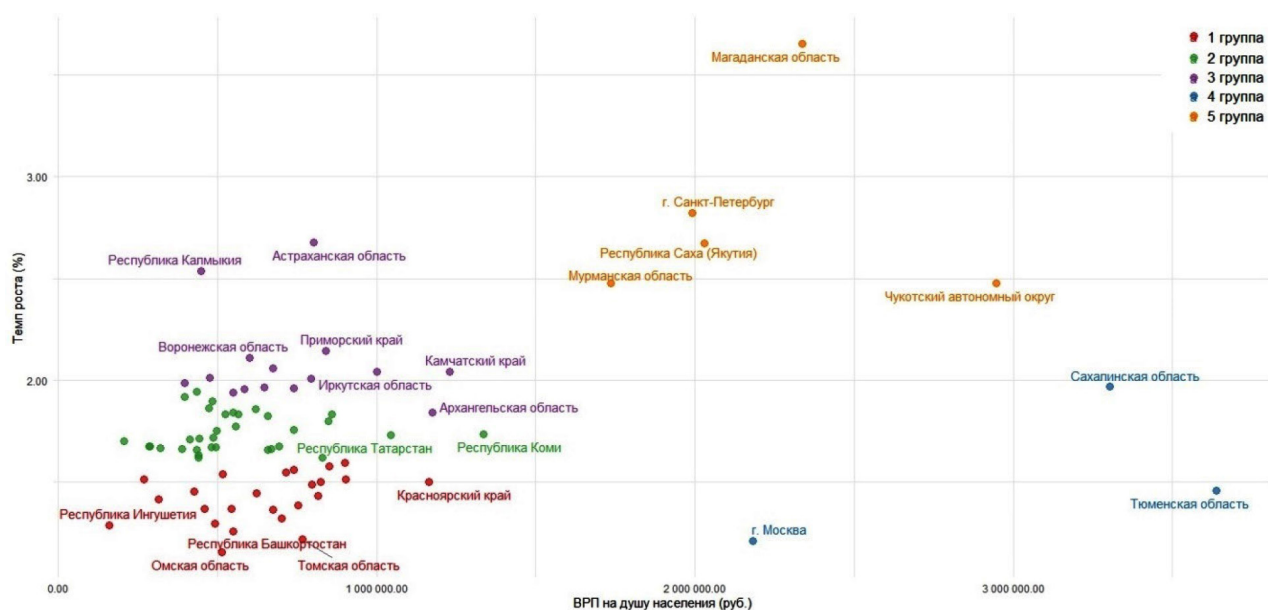

Рис. 1. Визуализация кластеризации субъектов РФ по двум показателям (подушевой ВРП в 2022 году и темп роста ВРП в 2007–2022 гг.)

Источник: рассчитано и построено в программной среде RStudio.

Таблица 1. Характеристика и содержание групп субъектов РФ, полученных по итогам кластеризации

Группа	Границы значений ВРП на душу населения в 2022 году	Границы значений темпов роста ВРП 2007–2022 гг.	Кол-во субъектов в группе	Перечень субъектов РФ	Характеристика группы
1	159 603,50–1 164 188,70	1,16–1,59	24	Республика Ингушетия; Карачаево-Черкесская Республика; Республика Северная Осетия – Алания; Чувашская Республика; Республика Бурятия; Волгоградская область; Омская область; Тверская область; Еврейская автономная область; Республика Башкортостан; Ярославская область; Челябинская область; Липецкая область; Калининградская область; Республика Карелия; Самарская область; Томская область; Пермский край; Свердловская область; Ленинградская область; Оренбургская область; <u>Московская область</u> ; Вологодская область; <u>Красноярский край</u>	Низкий уровень ВРП на душу населения; низкие темпы роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.

Окончание таблицы 1

Группа	Границы значений ВРП на душу населения в 2022 году	Границы значений темпов роста ВРП 2007–2022 гг.	Кол-во субъектов в группе	Перечень субъектов РФ	Характеристика группы
2	206 751,30 – 1 335 846,20	1,62–1,94	33	<i>Чеченская Республика</i> ; Республика Дагестан; Кабардино-Балкарская Республика; Республика Тыва; Республика Марий Эл; Ивановская область; Ставропольский край; Республика Алтай ; Псковская область; Алтайский край ; Республика Мордовия; Курганская область; Пензенская область; Костромская область; Кировская область; Тамбовская область; Саратовская область; Ульяновская область; Орловская область; Забайкальский край; Ростовская область; Рязанская область; Курская область; Республика Хакасия; Новгородская область; Удмуртская Республика; Новосибирская область; Нижегородская область; Хабаровский край; Кемеровская область; Белгородская область; Республика Татарстан; Республика Коми	Низкий уровень ВРП на душу населения; средние темпы роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.
3	395 639,80– 1 228 904,50	1,84–2,68	15	<i>Республика Адыгея</i> ; Республика Калмыкия; Брянская область; Смоленская область; Владимирская область; Воронежская область; Калужская область; Тульская область; Краснодарский край; Амурская область; Астраханская область ; Приморский край; Иркутская область; Архангельская область ; Камчатский край	Средний уровень ВРП на душу населения; средние темпы роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.
4	2 182 863,00– 3 637 116,50	1,21–1,97	3	г. Москва; Сахалинская область ; Тюменская область	Высокий уровень ВРП на душу населения; низкие темпы роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.
5	1 735 233,40– 2 946 171,50	2,48–3,65	5	<i>Мурманская область</i> ; г. Санкт-Петербург; Республика Саха (Якутия); Магаданская область; Чукотский автономный округ	Высокий уровень ВРП на душу населения; высокие темпы роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.

Условные обозначения:

Субъект РФ – аутсайдер группы по значению ВРП на душу населения в 2022 году.

Субъект РФ – лидер группы по значению ВРП на душу населения в 2022 году.

Субъект РФ – аутсайдер группы по значению темпа роста ВРП на душу населения в 2007–2022 гг.

Субъект РФ – лидер группы по значению темпа роста ВРП на душу населения в 2007–2022 гг.

Рассчитано с использованием инструментов кластеризации в программной среде RStudio по: Валовой региональный продукт с 1998 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 17.06.2025); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения 17.06.2025).

Таблица 2. Характеристика отобранных субъектов РФ

Субъект Федерации	Группа	ВРП на душу населения в 2022 году		Темп роста подушевого ВРП 2007–2022 гг.		Место в группе
		значение, руб./чел.	место в рейтинге	значение	место в рейтинге	
Республика Ингушетия	1	159 603,50	80	1,29	76	Аутсайдер
Оренбургская область	1	850 040,20	18	1,58	56	Лидер
Республика Марий Эл	2	388 519,70	73	1,66	49	Аутсайдер
Белгородская область	2	859 545,10	17	1,84	28	Лидер
Республика Адыгея	3	395 639,80	72	1,99	15	Аутсайдер
Иркутская область	3	1 001 234,60	14	2,04	12	Лидер
Тюменская область	4	3 637 116,50	1	1,46	65	Лидер
Мурманская область	5	1 735 233,40	8	2,48	6	Аутсайдер
Чукотский автономный округ	5	2 946 171,50	3	2,48	7	Лидер

Рассчитано с использованием инструментов кластеризации в программной среде RStudio по: Валовой региональный продукт с 1998 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 17.06.2025); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения 17.06.2025).

Выборка субъектов (табл. 2) включает девять представителей семи федеральных округов. Отметим, что из четвертой группы (высокий уровень ВРП; низкие темпы роста) выбрана только Тюменская область (у аутсайдера группы – г. Москвы – на сегодняшний день отсутствует утвержденный текст стратегии).

Частотный анализ текстов стратегий субъектов РФ. Для отобранных субъектов Федерации выгружены тексты действу-

ющих стратегий социально-экономического развития⁷ и проведены частотный и контент-анализ.

Результаты частотного анализа демонстрируют различия в частотах появления ключевых фраз исследования («устойчивое развитие», «устойчивость», «вызовы») (рис. 2). Лидерами по частоте встречаемости термина «устойчивое развитие» являются Республика Адыгея и Республика Марий Эл (оба региона аутсайдеры в своих группах).

⁷ О Стратегии социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009–2020 годы и на период до 2030 года: Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16 февраля 2009 года № 49. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=134037015&backlink=1&&nd=134061743&rdk=1&refoid=134061830> (дата обращения 01.07.2025); О Стратегии социально-экономического развития Оренбургской области до 2030 год: Постановление Правительства Оренбургской области от 20 августа 2010 года № 551-ПП. URL: https://minsport.orb.ru/upload/uf/8eb/post_prav_oo_20082010_551pp.pdf (дата обращения 01.07.2025); Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года: Постановление Правительства Республики Марий Эл от 17 января 2018 года № 12. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=146014231&backlink=1&&nd=146077596> (дата обращения 01.07.2025); Об Утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Белгородской области от 11 июля 2023 года № 371-пп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3100202307130022> (дата обращения 01.07.2025); О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года: Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 26 декабря 2018 года № 286. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dae08b9c55943f5a7c6fefdf554abfcb/61218ra.pdf> (дата обращения 01.07.2025); Об Утверждении Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года: Закон Иркутской области от 10 января 2022 года № 15-оз. URL: https://irkobl.ru/region/gov_programms/economy/strategiya.doc (дата обращения 01.07.2025); Об Утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года: Закон Тюменской области от 24 марта 2020 года № 23. URL: <https://sapp.duma72.ru/zakonotvorchestvo/zakonoproekty-vnesennye-v-tyumenskuyu-oblastnuyu-dumu/2883> (дата обращения 01.07.2025); О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: Постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 года № 768-ПП/20. URL: https://minec.gov-murman.ru/rpmt-ot-25.12.13_-768_pp_20_v-red.-ot-10.07.17_.pdf (дата обращения 01.07.2025); Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года: Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 16 июля 2014 года № 290-ПП. URL: <https://чукотка.пф/files/docs/Strateg-SEP-CHAO.doc> (дата обращения 01.07.2025).

Рис. 2. Визуализация результатов частотного анализа текстов стратегий после верификации

Источник: рассчитано в программной среде RStudio.

В то же время в стратегии Чукотского автономного округа термин «устойчивое развитие» не упоминается.

Контент-анализ текстов отобранных стратегий субъектов РФ. Рассмотрим, насколько результаты частотного анализа сопоставляются с результатами структурно-

содержательного анализа текстов стратегий, поскольку декларирование устойчивого развития не всегда выливается в реальный инструментарий его обеспечения.

Контент-анализ отобранных стратегий выявил значительную вариативность степени интеграции принципов УР (табл. 3).

Таблица 3. Результаты балльной оценки стратегий социально-экономического развития субъектов РФ по результатам контент-анализа

Субъект Федерации	Группа	К0: Устойчивое развитие	К1: Вызовы	К2: Системность	К3: Экономика	К3: Социальная сфера	К3: Экология	К4: Индикаторы	К5: Механизмы	ИТОГО (из 8)
Республика Ингушетия	1	1	1	0	0	0	0	1	0	3
Оренбургская область	1	1	1	1	1	1	1	1	0	7
Республика Марий Эл	2	0	1	0	1	1	0	0	0	3
Белгородская область	2	0	1	1	1	1	1	1	1	7
Республика Адыгея	3	1	1	1	0	0	1	1	0	5
Иркутская область	3	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Тюменская область	4	0	0	1	1	1	1	1	1	6
Мурманская область	5	0	1	1	1	1	1	1	0	6
Чукотский автономный округ	5	0	1	0	0	0	0	0	1	2

Источник: рассчитано авторами по итогам контент-анализа стратегий отобранных субъектов РФ.

Лидерами выступают Иркутская область (8 из 8 баллов), Белгородская и Оренбургская области (7 из 8 баллов). Их стратегии демонстрируют системную проработку устойчивого развития как методологической рамки. В них устойчивость представлена во всех структурных блоках – от формулировки целей до механизмов реализации и системы индикаторов. В Белгородской области проработаны секторальные аспекты, включая продовольственную безопасность, переработку и кооперацию. Иркутская область делает акцент на климатических и экологических рисках, закрепляя индикаторы по снижению выбросов, защите водных ресурсов и лесовосстановлению.

Аутсайдерами стали Чукотский автономный округ (2 балла), республики Ингушетия и Марий Эл (по 3 балла каждая). Следует отметить, что обе республики являются аутсайдерами в своих группах и имеют низкие показатели подушевого уровня ВРП, в то время как Чукотский автономный округ, наоборот, является лидером всего рейтинга и по факту имеет среди всех наименее проработанную стратегию. В стратегиях этих регионов отсутствует понятийное и структурное включение устойчивого развития, не указаны/описаны механизмы реализации и система мониторинга. Акцент смещен на экономический рост, экологическая и институциональная устойчивость не зафиксированы как управленческие ориентиры.

Регионы с промежуточными результатами (4–6 баллов) демонстрируют наличие отдельных элементов устойчивости (например, целей или индикаторов), но без системной интеграции. В ряде случаев фиксируется декларативность: термин «устойчивое развитие» упоминается, но не подкреплен методологически.

Такая неоднородность определяет необходимость перейти к анализу отдельных критериев, по которым оценивалась степень интеграции принципов устойчивого развития в структуру региональных стратегий.

Критерий 0. Упоминание термина «устойчивое развитие»: от декларации к институционализации. В стратегиях боль-

шинства субъектов термин «устойчивое развитие» присутствует, однако степень его содержательной проработки варьируется. В ряде случаев он фигурирует как риторическая формула или фрагментарный лозунг, не подкрепленный концептуальной или инструментальной проработкой. Так, стратегия Республики Ингушетия, несмотря на наличие термина «устойчивое развитие», не раскрывает его как концепт. В тексте стратегии Чукотского автономного округа представлено только декларативное описание ключевых направлений развития региона. Таким образом, формальное наличие термина «устойчивое развитие» не может являться достаточным основанием для признания стратегии соответствующей принципам устойчивости.

Критерий 1. Упоминание термина «вызовы», классификация и ранжирование вызовов развития региона при разработке стратегии. В половине стратегий исследование влияния глобальных вызовов на устойчивое развитие рассматривается в рамках проведенного SWOT-анализа, однако его результаты практически не используются при формулировании целей и задач развития региона.

В качестве позитивного примера можно отметить стратегию Белгородской области, для которой критически важной (по сравнению с другими регионами) является концепция противостояния глобальным геополитическим вызовам. Она нашла отражение в тексте стратегии области в виде отдельного подраздела «Вызовы и риски развития», где перечислены геополитические, экономические, экологические, демографические риски и вызовы. Также можно отметить стратегию Республики Марий Эл, в которой для каждой стратегической задачи представлен блок с ключевыми вызовами, с которыми сталкивается регион при достижении конкретной цели по разделу. В противоположность можно выделить стратегию Мурманской области, текст которой хотя и включает раздел, посвященный «усилению геополитического и ресурсно-экономического значения Арктики...», в системе целей и задач не раскрывает направ-

ления преодоления выявленных в ходе анализа вызовов и негативных факторов.

Критерий 2. Системность включения устойчивого развития. Устойчивое развитие как методологическая рамка стратегического планирования зафиксировано только в ограниченном числе региональных стратегий.

Явным примером системного подхода служит текст стратегии Белгородской области, который, несмотря на то что принципы УР в нем напрямую не расшиты, систематизирован в том числе в контексте согласованности развития региона по трем ключевым направлениям: «экономика», «человеческий капитал» и «пространство». Это же характерно и для Иркутской стратегии, в которой выстроена цепочка «приоритет – сфера СЭР – направление государственной политики – тактическая цель – тактические задачи – мероприятия – целевые индикаторы».

Критерий 3. Представленность трех измерений устойчивого развития. Анализ стратегий показал, что экономическое и социальное измерения устойчивости представлены почти во всех регионах. Например, для Иркутской области описаны меры по борьбе с бедностью, расширению доступа к услугам, социальной поддержке и справедливости: «снижение уровня бедности», «системная поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения», «развитие системы ранней диагностики и выявления детей с ограниченными возможностями здоровья», «превентивность медицины», «размытость мер социальной поддержки... справедливая и эффективная социальная политика». Однако есть стратегии, в которых описано только базовое стратегическое видение развития региона без конкретизации приоритетных направлений до целей и задач УР по отдельным сферам (например, Республика Ингушетия или Чукотский автономный округ).

Критерий 4. Наличие индикативной системы, отражающей устойчивость. Наиболее полно индикаторы устойчивого развития в части экологической составляющей раскрыты в стратегии Иркутской об-

ласти. В ней использованы показатели качества жизни населения (доля населения, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности; уровень самообеспечения отдельными продуктами питания) и экологического развития (сокращение объемов сточных сбросов в водные объекты; доля ликвидированных мест несанкционированного размещения свалок; лесистость территории и др.). В стратегиях республик Ингушетия и Марий Эл система показателей слабо формализована и не структурирована по трем измерениям, что ограничивает возможности мониторинга устойчивости. В стратегии Чукотского автономного округа система индикаторов отсутствует.

Критерий 5. Механизмы реализации и мониторинга. Только в ограниченном числе документов разработаны механизмы реализации, соответствующие целям устойчивого развития. В стратегии Иркутской области указан перечень инструментов: «нормативно-правовые акты; деятельность региональных институтов развития области; межрегиональная и внутрирегиональная кооперация, соглашения с хозяйствующими субъектами». Белгородская стратегия структурирует инструментарий реализации стратегии на нормативно-правовые, финансово-экономические и инвестиционные, организационно-управленческие, механизмы государственно-частного партнерства. В то же время в большинстве стратегий механизмы реализации либо отсутствуют, либо представлены в виде общих формулировок, не привязанных к устойчивому развитию как управленческой категории (стратегия Республики Ингушетии).

Результаты проведенного анализа необходимо интерпретировать с учетом ряда методологических и эмпирических ограничений.

Во-первых, стратегии социально-экономического развития субъектов Федерации, рассматриваемые в исследовании, разрабатывались и утверждались в разные годы – от начала 2010-х до середины 2020-х годов. Это обуславливает значительную не-

однородность в их содержательной структуре, приоритетах и понятийном аппарате. Следовательно, уровень включенности тематики устойчивого развития может отражать не столько фактическую институциональную ориентацию региона, сколько степень актуализации данной повестки в момент подготовки документа. Особенно это проявляется в стратегиях, принятых до выхода международных и национальных ориентиров (Повестка-2030 или обновленные методические рекомендации Минэкономразвития России).

Во-вторых, исследование базируется исключительно на документальном анализе официальных стратегий, без привлечения дополнительной информации о процессе их разработки, механизмах имплементации и фактическом исполнении. Таким образом, возможен разрыв между содержанием стратегических документов и реальной управленческой практикой. Документ, содержащий детализированные индикаторы и формальные упоминания устойчивости, может оставаться неэффективным в реализации, и наоборот – стратегия с формально ограниченным охватом может сопровождаться активной институциональной деятельностью.

В-третьих, используемая методика опирается на формализованный критерий наличия/отсутствия элементов устойчивости (например, индикаторов, механизмов, упоминаний), что обеспечивает воспроизводимость, но ограничивает глубину интерпретации. Такая бинарная логика не позволяет учесть качественные различия между регионами в степени проработанности, концептуальной целостности или оригинальности подхода. Кроме того, она не фиксирует контекстные особенности регионального развития, включая демографическую нагрузку, климатические вызовы, институциональную зрелость и политическую волю.

Наконец, устойчивое развитие в стратегиях может проявляться в имплицитной форме, через ценностные ориентиры, институциональные механизмы или систему управления рисками, которые не обязательно маркируются понятием «устойчивость».

Такой подход может ускользать от формализованного анализа, что требует дополнения количественных методов качественными процедурами экспертной оценки и сравнительного анализа.

Следует отметить, что применяемые методы контент-анализа и формализованного кодирования стратегических документов, несмотря на их воспроизводимость и прозрачность, имеют ряд ограничений. Они не позволяют в полной мере учитывать контекст принятия решений, мотивацию разработчиков стратегий и неформальные управленческие практики. Кроме того, результаты зависят от качества исходных документов и интерпретации категориальной схемы исследователем, что вносит элемент субъективности и требует последующей верификации данными из независимых источников.

Для преодоления выявленного разрыва между содержанием стратегических документов и реальной управленческой практикой в будущих исследованиях представляется перспективным использование комбинированных методик. Во-первых, целесообразно включение процедур экспертного опроса и интервью с разработчиками и исполнителями региональных стратегий, позволяющих выявить реальные управленческие мотивации, степень институциональной поддержки и барьеры внедрения принципов устойчивого развития. Во-вторых, возможно проведение кейс-исследований отдельных регионов, демонстрирующих различия между формальной и фактической имплементацией стратегии, с последующей сравнительной оценкой факторов, способствующих успешной реализации. Наконец, для объективизации результатов анализа документальных источников может быть использован метод триангуляции данных – сопоставление текстов стратегий с данными бюджетной отчетности, статистикой реализации программ и социально-экологическими индикаторами региона.

В целом содержательный анализ стратегий социально-экономического развития регионов позволил выявить существенную

неоднородность в степени и форме интеграции принципов устойчивого развития в документы регионального стратегического планирования:

1) устойчивое развитие не носит характер универсального методологического ориентира для региональных стратегий; несмотря на то что термин «устойчивое развитие» упоминается в половине анализируемых документов, только в отдельных случаях он приобретает статус стратегической рамки, формирующей цели, приоритеты и механизмы реализации; многие стратегии ограничиваются декларативным упоминанием устойчивости;

2) анализ трех измерений устойчивого развития показывает явный перевес первых двух компонентов; экономические и социальные приоритеты (рост ВРП, занятость, уровень жизни, демография) представлены в стратегиях достаточно широко и детально, в то же время экологическая составляющая зачастую представлена фрагментарно или отсутствует вовсе, что указывает на сохраняющееся восприятие устойчивого развития преимущественно через призму социально-экономического роста;

3) не у всех регионов зафиксированы попытки институционализации устойчивости через включение конкретных индикаторов и механизмов реализации, однако в большинстве случаев система мониторинга носит формальный характер или отсутствует, что ограничивает возможности оценки эффективности реализации устойчивых стратегий;

4) наблюдается дефицит координирующих и корректирующих механизмов, направленных на реализацию устойчивого развития в долгосрочной перспективе; даже при наличии целей и показателей соответствующие инструменты реализации, такие как планы мероприятий, межведомственные платформы, механизмы отчетности, либо отсутствуют, либо слабо формализованы.

Таким образом, в стратегическом планировании регионов выборки преобладают модели фрагментарной или декларативной интеграции устойчивого развития. Это ука-

зывает на необходимость как нормативно-методического, так и институционального усиления стратегических подходов.

Необходимость методического и институционального усиления стратегических подходов особенно возрастает в контексте текущей социально-экономической динамики регионов. Современные тенденции показывают, что фактические условия реализации принципов устойчивости существенно различаются: в одних регионах наблюдается рост промышленного производства и активизация инвестиционной деятельности (например, в Тюменской, Иркутской, Белгородской областях), что создает потенциал для перехода к более ресурсно-эффективным и экологически сбалансированным моделям роста; в других – фиксируется спад в обрабатывающих секторах, снижение доходов населения и ограниченность бюджетных возможностей, особенно в республиках Северного Кавказа и отдельных субъектах Приволжского округа.

Эти диспропорции напрямую влияют на способность регионов внедрять устойчивые практики: экономически сильные территории могут инвестировать в «зеленую» модернизацию, цифровизацию экологического мониторинга и развитие устойчивой инфраструктуры, тогда как регионы с ограниченными ресурсами вынуждены концентрироваться на поддержании базовой социальной стабильности. Поэтому интеграция принципов устойчивого развития требует учета актуального социально-экономического цикла каждого региона: для индустриальных субъектов это переход к инновационным и низкоуглеродным моделям, для менее обеспеченных – укрепление социальной и институциональной устойчивости.

Методические подходы к интеграции принципов устойчивого развития в региональные стратегии. В действующей нормативно-правовой и методической базе стратегического планирования в Российской Федерации интеграция принципов устойчивого развития в документы регионального уровня не носит обязательный характер и не является императивным требованием.

В исследовании предлагается проводить интеграцию принципов УР в стратегическое планирование на региональном уровне, поскольку методология устойчивого развития обладает следующими преимуществами:

1) оно может рассматриваться как продуктивная основа для формирования долгосрочных стратегий, обеспечивающая целостность целеполагания, согласование экономических, социальных и экологических приоритетов, а также адаптивность к изменяющимся условиям внешней среды;

2) задает системный и междисциплинарный подход, позволяющий не только структурировать стратегические приоритеты, но и сбалансировать краткосрочные задачи с долгосрочными вызовами (глобальными, национальными и региональными);

3) способствует укреплению институциональной согласованности, повышая доверие граждан, бизнеса и внешних партнеров к региональной политике;

4) позволяет синхронизировать региональные стратегии с глобальной и национальной повесткой – Повесткой дня ООН до 2030 года, задачами ESG-трансформации, зеленого роста и низкоуглеродного перехода;

5) способствует усилению инструментальной состоятельности региональных стратегий – можно адаптировать накопленный международный опыт УР с использованием индикативных моделей, мониторинговых систем, оценки климатических и социальных рисков, а также схем участия заинтересованных сторон.

С учетом добровольного характера включения устойчивого развития в региональные стратегии методическое обеспечение такого включения должно быть не универсальным и абстрактным, а адаптированным к условиям социально-экономической и институциональной специфики субъектов Российской Федерации.

При адаптации международных практик устойчивого развития к российским условиям важно учитывать различия в институциональной среде, распределении полномочий и ресурсных возможностях

регионов. Подходы, применяемые в странах ОЭСР и ЕС, основаны на высокой степени автономии региональных властей и развитых механизмах горизонтальной координации. В российских условиях целесообразно их функциональное переосмысление: индикативные модели устойчивости могут быть встроены в систему государственного стратегического планирования через существующие инструменты – госпрограммы (федеральные, региональные), нацпроекты, мониторинг целей устойчивого развития. Аналитические инструменты, активно используемые в международной практике (benchmarking, stakeholder mapping, territorial impact assessment), могут быть адаптированы к отечественным реалиям как формы экспертной оценки и общественного согласования стратегий без создания новых бюрократических структур. Такой перенос практик позволит сохранить научную состоятельность международных подходов, не нарушая принципов иерархичности и правового единства российского стратегического управления.

Предлагаемые ниже подходы ориентированы на то, чтобы встраивать принципы устойчивого развития в существующие управленческие и аналитические контуры регионального стратегирования без необходимости создания новых внешненавязанных конструкций.

1. *Аналитическая часть: устойчивость как фактор риска и устойчивость как потенциал.* На этапе ситуационного анализа стратегия может содержать идентификацию рисков, связанных с дефицитами устойчивости: неустойчивой демографией, моноотраслевой зависимостью, инфраструктурной деградацией, загрязнением среды или уязвимостью к климатическим изменениям. Это требует не новых категорий, а лишь переноса акцента: оценка должна быть направлена не только на выявление потенциалов, но и на диагностику устойчивости текущей модели развития региона.

Применимы следующие аналитические инструменты: карты экологических и климатических рисков, например зон риска

подтопления, деградации почв, температурных аномалий; бенчмаркинг с регионами со сходной структурой экономики, но лучшими показателями устойчивости (например, в переработке отходов, в устойчивом агросекторе); оценка зависимости от ресурсов с исчерпаемым циклом и сценариев их истощения; учет институциональной устойчивости: бюджетная стабильность, надежность механизмов реализации, способность к межуровневому взаимодействию.

2. *Сценарное планирование: устойчивость как ось различий.* Сценарии социально-экономического развития целесообразно строить на основе различий в уровнях системной устойчивости, а не только по темпам роста ВРП или численности населения. Это может быть базовый сценарий (инерционный), в котором сохраняются текущие институциональные и ресурсные практики; адаптивный сценарий, в котором усиливается диверсификация экономики, вводятся меры по устойчивому использованию природных ресурсов; сценарий трансформации – с переориентацией на развитие «чистых» производств, экологическую модернизацию и вовлечение сообществ.

Такой подход позволяет связать устойчивость с управляемыми переменными: экономической структурой, инвестиционными приоритетами, характером миграции.

3. *Формулировка миссии и приоритетов через принципы устойчивости.* В качестве ориентира при формулировании миссии, целей и задач стратегии предлагается опираться на базовые принципы устойчивого развития, а не на внешние индикаторы. Среди применимых принципов: межпоколенческая ответственность (долгосрочная защита природных ресурсов, минимизация инфраструктурного износа); сбалансированность (согласование отраслевых, территориальных и социальных интересов); инклюзивность (вовлечение различных групп населения в процессы принятия решений); ресурсная эффективность с учетом специфики региона: минимизация потерь в циклах производства, энергосбережение, водосбережение, переработка.

Целевые ориентиры могут быть сформулированы в логике «минимизации уязвимостей и стабилизации базовых условий развития» – это ближе к управленческой практике российских регионов, чем концепции «зеленого роста» или ESG, которые воспринимаются как внешние.

4. *Реализация: устойчивость как инвестиционный и организационный приоритет.* В блоке реализации важно закрепить механизмы, которые делают устойчивость не декларацией, а основой проектного управления. Сюда можно отнести приоритетность финансирования инфраструктурных проектов с устойчивым эффектом (например, модернизация водоснабжения, энергоэффективного освещения, реновации общественных пространств); программы поддержки локального производства и переработки, особенно в аграрных и лесных территориях; расширение механизмов местного государственно-частного партнерства (ГЧП), ориентированного на благоустройство, транспорт, ЖКХ с социальной или экологической отдачей; разработка типовых решений для устойчивых поселений – с учетом энергоэффективности, компактности, интеграции с природной средой.

Продолжая перечень механизмов, экологическое измерение можно задать отдельным разделом, через набор критериев отбора и управления проектами, встроенных в существующие процедуры. Для инфраструктуры, локальной переработки, ГЧП и типовых решений для поселений фиксируются 4–5 KPI, соотносимых с соответствующими ЦУР ООН (вода, устойчивые города, ответственное потребление, климат): доля населения с безопасной питьевой водой и доля нормативно очищенных сточных вод; доля переработки ТКО; энергоемкость/удельные выбросы парниковых газов на единицу ВРП; обеспеченность зеленой городской инфраструктурой. Исполнение обеспечивают СЭО (стратегическая экологическая оценка) ключевых программ, региональная система учета, отчетности и верификации (MRV – Monitoring, Reporting and Verification) выбросов и загрязнений

и «зеленые» закупки / разметка бюджета; мониторинг КРІ включается в общую индикативную систему стратегии, что устраняет выявленный в практике дефицит экологической операционализации.

5. *Мониторинг и адаптация: отслеживание устойчивости без избыточной бюрократии.* Система мониторинга может базироваться на доступных и уже собираемых показателях, трансформированных под углом устойчивости: доля расходов бюджета на поддержание/модернизацию инфраструктуры; доля перерабатываемых отходов; коэффициенты ресурсной загрузки (водоемкость, энергоемкость экономики); показатели занятости в устойчивых секторах (переработка, агроэкология, социальная экономика).

6. *Этап согласования: устойчивость как социальный контракт.* Реалистичным механизмом включения заинтересованных сторон в условиях российских регионов могут стать публичное обсуждение стратегии через платформу органов исполнительной власти с учетом комментариев населения; проведение экспертных панелей с участием представителей науки, бизнеса и местного самоуправления; введение статуса наблюдателя или советника от крупных общественных объединений (экологических, молодежных, профессиональных) при мониторинге реализации стратегии. Такой подход усиливает социальную легитимность документа и способствует учету рисков, упускаемых в чисто административной логике.

В отличие от предыдущих работ, сосредоточенных преимущественно на количественном учете упоминаний ЦУР или экологических индикаторов, данное исследование раскрывает институциональный уровень включенности устойчивого развития – через анализ управленческих механизмов, координационных структур и инструментов реализации, зафиксированных в стратегиях.

В целом предложенные методические подходы предполагают постепенное институциональное включение устойчивости как управленческой логики. Это особенно важ-

но в контексте российского федерализма и ограниченных ресурсных и кадровых возможностей на региональном уровне.

Заключение

Интеграция принципов устойчивого развития в региональные стратегии социально-экономического развития представляет собой не нормативно предписанную, но содержательно значимую задачу. Проведенный анализ показал, что, несмотря на активную международную и федеральную повестку в сфере устойчивости, включение ее принципов в региональное стратегическое планирование остается преимущественно фрагментарным, декларативным или реализуется в имплицитной форме. Основными препятствиями выступают отсутствие методологических ориентиров, институциональной обязательности, а также ограниченные ресурсы и управленческая инерция на местах.

В то же время выявлены примеры успешной институционализации устойчивого развития в стратегиях ряда субъектов, где устойчивость трактуется не как внешняя установка, а как управленческая логика, позволяющая сбалансировать экономические, социальные и экологические приоритеты. Это подтверждает потенциал для масштабирования и адаптации таких подходов.

Предложенная в статье методика содержательного анализа стратегий позволила выявить как уровень формального признания в них концепта устойчивости, так и глубину ее операционализации – через цели, индикаторы и механизмы реализации. Кроме того, разработан набор реалистичных методических решений, применимых в условиях российской региональной политики. Они ориентированы на адаптацию принципов устойчивости к аналитическим, сценарным, целевым и управленческим элементам стратегии, без необходимости прямого заимствования внешних концептуальных рамок.

Таким образом, устойчивое развитие может рассматриваться как стратегический ресурс региональной политики – не только

в долгосрочной, но и в текущей управленческой перспективе. Его институционализация в стратегиях субъектов Российской Федерации требует комплексного подхода, включающего нормативную донстройку, разработку типовых методических решений,

создание стимулов для устойчивых практик и развитие экспертной среды. Это позволит не только повысить управляемость регионального развития, но и обеспечить его соответствие современным вызовам и требованиям комплексной результативности.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова О.Е., Волков С.К., Кузлаева И.М. (2022). Организационно-экономический механизм формирования креативных центров в сельских территориях: логика трансформации и сдерживающие факторы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. С. 110–124.
- Амиантов С.В. (2022). Рынок градостроительного проектирования через призму понятия «ценность» // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. С. 138–168.
- Бобылев С.Н., Барабошкина А. В., Курдин А.А., Яковлева Е.Ю., Бубнов А.С. (2025). Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. С. 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3
- Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В., Ситкина К.С. (2018). Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. С. 21–33.
- Будаева К.В., Климанов В.В. (2014). Эволюция разработки и содержания документов регионального стратегического планирования в России. Региональная экономика: теория и практика. № 40. С. 52–63.
- Буренина И.В., Быль Е.А. (2016). Рейтинговая система оценки устойчивого развития территориальных субъектов: российский и мировой опыт // Вестник евразийской науки. № 8 (2). С. 17.
- Гагарина Е.С. (2023). Зеленая инфраструктура и экосистемные услуги в устойчивом развитии городов // Architecture and Modern Information Technologies. № 1 (62). С. 228–247. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-228-247
- Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г. (2023). Типологизация региональных систем России в связи с процессами декарбонизации экономики // Экономика региона. Т. 19, № 1. С. 29–44.
- Ерзнкян Б.А., Фонтана К.А. (2021). Циркулярная экономика и устойчивое развитие городов // Региональные проблемы преобразования экономики. № 7 (129). С. 7–22.
- Ершов Д.Н., Мидлер Е.А., Раков И.Д. (2022). Рейтинги устойчивого развития как инструмент оценки социально-экономических трансформаций в регионах РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 13. № 4. С. 698–719.
- Зайцев А.Г., Хапилина С.И. (2022). Перспективы развития концепции ESG в условиях АПК // Вестник аграрной науки. № 2 (95). С. 120–125.
- Иванюга Т.В. (2025). Оценка демографического потенциала сельских территорий как фактора их устойчивого развития (на материалах Брянской области) // Вестник аграрной науки. № 4 (115). С. 62–71. DOI: 10.24412/2587-666X-2025-4-62-71
- Измайлова М.А. (2023). ESG-повестка в России: современное развитие и механизм трансформации российских компаний. Часть 1 // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 3. С. 344–360. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.344-360
- Калищева К.А. (2023). Трансформация традиционных моделей регионального развития в целях обеспечения устойчивости региона с учетом ESG-принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 1. С. 83–88.

- Каранина Е.В., Картавых К.Е. (2023). Экологические аспекты устойчивого развития региона // Проблемы анализа риска. Т. 20. № 1. С. 26–35. DOI: 10.32686/1812-5220-2023-20-1-26-35
- Комаров В.М., Акимова В.В., Коцюбинский В.А., Земцов С.П. (2021). Сравнительный анализ подходов к разработке долгосрочных государственных стратегий в России и мире // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 56–74.
- Коршунов И.В. (2022). Пространственное развитие регионов СЗФО // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 4 (71). С. 23–37. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-23-37
- Ланьшина Т.А. (2019). Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах – лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 14. № 1. С. 207–224.
- Лекторова Ю.Ю., Семенова Д.М., Прудников А.Ю., Герасимова Ю.А. (2024). ESG-повестка в системе управления территорией: политика промышленных предприятий и общественный запрос // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Т. 8. № 4. С. 140–152. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-140-152
- Мирошниченко Т.А. (2023). Инклюзивное развитие сельских территорий России // Вестник аграрной науки. № 2 (101). С. 134–143.
- Новосельцева Г.Б., Палаткин И.В., Рассказова Н.В. (2023). Устойчивость территориальных систем в контексте экономических показателей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 3. С. 467–483. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.467-483
- Полушкина Т.М., Акимова Ю.А., Коваленко Е.Г. (2022). Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (168). С. 359–383.
- Рязанова Н.Е., Меньшов К.В. (2018). Оценка имплементации повестки устойчивого городского развития и задач ЦУР-11 в структуре государственных стратегий Российской Федерации. Часть 1 // Экология урбанизированных территорий. № 4. С. 26–36. DOI: 10.24411/1816-1863-2018-14026
- Сахаров А.Г. (2024). Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки-2030 // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 19. № 1. С. 106–128. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-05
- Сахаров А.Г. (2025). Реализация ЦУР в России: вызовы и достижения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 20. № 2. С. 7–20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01
- Турцева К.П. (2022). Векторы разработки региональной экологической политики в России: анализ государственных программ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Т. 16. № 3. С. 27–40.
- Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П. (2017). Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // *Ars Administrandi*. № 9 (4). С. 570–592. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-4-570-592
- Cobb C. (2007). *The Genuine Progress Indicator*. Oakland, CA: Redefining Progress. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350222939.0071>
- Costanza R, Daly L., Fioramonti L. et al. (2016). Modelling and measuring sustainable wellbeing in connection with the UN Sustainable Development Goals. *Ecological Economics*, 130, 350–355. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.07.009>
- Daly H.E. (1991). *Steady-State Economics* (2nd ed.). Washington, DC: Island Press.
- Folke C., Carpenter S.R., Walker B. et al. (2010). Resilience thinking: Integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-03610-150420>

- Guarini E. (2021). Localizing the Sustainable Development Goals in Italian municipalities: Strategic planning and symbolic alignment. *Sustainability*, 13(4), 1953. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13041953>
- Haughton G., Counsell D. (2004). *Regions, Spatial Strategies and Sustainable Development*. London: Routledge.
- Mamutova K. (2020). Destination management approach for sustainable tourism development in Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 56(2), 29–48. DOI: <https://doi.org/10.47703/ejeb.v2i56.15>
- Moldan B., Janoušková S., Hák T. (2012). How to understand and measure environmental sustainability: Indicators and targets. *Ecological Indicators*, 17, 4–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2011.04.033>
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (2009). Beyond markets and states: Polycentric governance of complex economic systems. *American Economic Review*, 100(3), 641–672. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.100.3.641>
- Pearce D., Barbier E.B. (2000). *Blueprint for a Sustainable Economy*. London: Earthscan.
- Raworth K. (2017). *Doughnut Economics: Seven Ways to Think like a 21st-Century Economist*. London: Random House Business.
- Sen A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Spangenberg J.H. (2004). Reconciling sustainability and growth: Criteria, indicators, policies. *Sustainable Development*, 12(2), 74–86. DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.236>
- Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. (2001). Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems. *Ecology and Society*, 6(1), 5. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-00365-060105>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: ice_lu@mail.ru)

Алсу Гарифулловна Уляева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: ulyaeva.a.g@mail.ru)

Ataeva A.G., Ulyayeva A.G.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE INTEGRATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT PRINCIPLES INTO REGIONAL STRATEGIES FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

In less than five years, the period of implementation of most socio-economic development (SED) strategies at both the federal and regional levels will end, which coincided with the action of a set of interrelated challenges (geopolitical, economic, demographic, etc.). In the context of the climate agenda actualization, the transition to a closed-loop economy and digitalization of management, the need to rethink the strategic tools of regional planning is increasing. The study's objective is to develop and scientifically substantiate methodological approaches to the integration of sustainable development principles into regional strategies. The article presents the results of an analysis of

the current practice of integrating sustainable development principles into regional strategies. The results of the content analysis revealed significant heterogeneity in the degree and form of integration of sustainable development principles into regional strategic planning documents, as well as the fragmentary and / or declarative nature of the use of the main provisions of the sustainable development concept. Separately, it is necessary to note the preponderance of the content of the first two components (economic and social) and weak disclosure of the environmental component of sustainable development in regional strategies, as well as the lack of coordinating and corrective mechanisms aimed at implementing sustainable development in the long term. The approaches to fine-tuning the regional strategy process at its various stages (analysis, scenario planning, mission and priority formulation, implementation mechanisms, monitoring and adaptation, coordination of priorities) are proposed and described, which can ensure compliance with the achievement of long-term regional development priorities taking into account the impact of modern global challenges. The study used methods of comparative analysis and synthesis, economic and statistical analysis. The research results can serve as a basis for improving the methodological tools of strategic planning and developing new recommendations at the federal level.

Sustainable development, strategy, content analysis, socio-economic development, constituent entities of the Federation.

REFERENCES

- Akimova O.E., Volkov S.K., Kuzlaeva I.M. (2022). Organizational and economic mechanism of forming rural creative centers: Logic of transformation and constraints. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika=Lomonosov Economics Journal*, 5, 110–124 (in Russian).
- Amiantov S.V. (2022). The urban planning design market through the lens of value concept. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika=Lomonosov Economics Journal*, 4, 138–168 (in Russian).
- Bobylev S.N., Baraboshkina A. V., Kurdin A.A., Yakovleva E.Yu., Bubnov A.S. (2025). The national development goals of Russia and key sustainability indicators. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika=Lomonosov Economics Journal*, 1, 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3 (in Russian).
- Bobylev S.N., Kudryavtseva O.V., Solov'eva S.V., Sitkina K.S. (2018). Sustainable development indicators: Regional dimension. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika=Lomonosov Economics Journal*, 2, 21–33 (in Russian).
- Budaeva K.V., Klimanov V.V. (2014). The evolution of the development and content of regional strategic planning documents in the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 40, 52–63 (in Russian).
- Burenina I.V., Byl' E.A. (2016). Rating assessment system of the sustainable territorial development of regions: Russian and international experience. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 8(2), 17 (in Russian).
- Cobb C. (2007). *The Genuine Progress Indicator*. Oakland, CA: Redefining Progress. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350222939.0071>
- Costanza R, Daly L., Fioramonti L. et al. (2016). Modelling and measuring sustainable wellbeing in connection with the UN Sustainable Development Goals. *Ecological Economics*, 130, 350–355. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.07.009>
- Daly H.E. (1991). *Steady-State Economics* (2nd ed.). Washington, DC: Island Press.
- Ershov D.N., Midler E.A., Rakov I.D. (2022). Sustainable Development ratings as a tool for assessing socio-economic transformations in the regions of the Russian Federation. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 13(4), 698–719 (in Russian).
- Erznkyan B.H., Fontana K.A. (2021). Circular economy and sustainable urban development. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 7(129), 7–22 (in Russian).

- Folke C., Carpenter S.R., Walker B. et al. (2010). Resilience thinking: Integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-03610-150420>
- Gagarina E.S. (2023). Green infrastructure and ecosystem services in sustainable urban development. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(62), 228–247. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-228-247 (in Russian).
- Gainanov D.A., Gataullin R.F., Safiullin R.G. (2023). Typology of Russian regional systems in connection with the decarbonization of the economy. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 19(1), 29–44 (in Russian).
- Guarini E. (2021). Localizing the Sustainable Development Goals in Italian municipalities: Strategic planning and symbolic alignment. *Sustainability*, 13(4), 1953. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13041953>
- Haughton G., Counsell D. (2004). *Regions, Spatial Strategies and Sustainable Development*. London: Routledge.
- Ivanyuga T.V. (2025). Assessing the demographic potential of rural areas as a factor in their sustainable development (based on materials of Bryansk region). *Vestnik agrarnoi nauki*, 4(115), 62–71. DOI: 10.24412/2587-666X-2025-4-62-71 (in Russian).
- Izmailova M.A. (2023). The current state and the mechanism of the transformation of the ESG agenda by Russian companies. Part 1. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 14(3), 344–360. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.344-360 (in Russian).
- Kalitseva K.A. (2023). Transformation of traditional models of regional development in order to ensure the sustainability of the region, taking into account the ESG principles. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and Municipal Management Scholar Notes*, 1, 83–88 (in Russian).
- Karanina E.V., Kartavykh K.E. (2023). Environmental aspects of sustainable regional development. *Problemy analiza riska=Issues of Risk Analysis*, 20(1), 26–35. DOI: 10.32686/1812-5220-2023-20-1-26-35 (in Russian).
- Komarov V.M., Akimova V.V., Kotsyubinskii V.A., Zemtsov S.P. (2021). Comparative analysis of the development approaches to long-term government strategies in Russia and in the world. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, (1), 56–74 (in Russian).
- Korshunov I.V. (2022). Spatial development of the Northwestern Federal District regions. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 4(71), 23–37. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-23-37 (in Russian).
- Lanshina T.A. (2019). Experience of localization and implementation of the Sustainable Development Goals in the leading countries in this field. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 14(1), 207–224 (in Russian).
- Lektorova Yu.Yu., Semenova D.M., Prudnikov A.Yu., Gerasimova Yu.A. (2024). ESG-the agenda in the territorial management system: policy of industrial enterprises and public demand. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 8(4), 140–152. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-140-152 (in Russian).
- Mamutova K. (2020). Destination management approach for sustainable tourism development in Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 56(2), 29–48. DOI: <https://doi.org/10.47703/ejebs.v2i56.15>
- Miroshnichenko T.A. (2023). Inclusive development of rural areas of Russia. *Vestnik agrarnoi nauki*, 2(101), 134–143 (in Russian).
- Moldan B., Janoušková S., Hák T. (2012). How to understand and measure environmental sustainability: Indicators and targets. *Ecological Indicators*, 17, 4–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2011.04.033>
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Novosel'tseva G.B., Palatkin I.V., Rasskazova N.V. (2023). Sustainability of territorial systems in the context of economic indicators. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 14(3), 467–483. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.467-483 (in Russian)

- Ostrom E. (2009). Beyond markets and states: Polycentric governance of complex economic systems. *American Economic Review*, 100(3), 641–672. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.100.3.641>
- Pearce D., Barbier E.B. (2000). *Blueprint for a Sustainable Economy*. London: Earthscan.
- Polushkina T.M., Akimova Yu.A., Kovalenko E.G. (2022). Social standards and an inclusive model of rural development. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2(168), 359–383 (in Russian).
- Raworth K. (2017). *Doughnut Economics: Seven Ways to Think like a 21st-Century Economist*. London: Random House Business.
- Ryazanova N.E., Men'shov K.V. (2018). Assessment of the implementation of the sustainable urban development agenda and SDG-11 objectives in the structure of state strategies of the Russian Federation. Part 1. *Ekologiya urbanizirovannykh territorii*, 4, 26–36. DOI: 10.24411/1816-1863-2018-14026 (in Russian).
- Sakharov A.G. (2024). Progress of the BRICS countries in achieving the climate and environmental goals of the 2030 Agenda. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 19(1), 106–128. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-05 (in Russian).
- Sakharov A.G. (2025). Implementation of SDGs in Russia: Challenges and achievements. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika=International Organisations Research Journal*, 20(2), 7–20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01 (in Russian).
- Sen A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V., Trushkova E.A., Shikhverdiev A.P. (2017). Strategies 2030: Approaches to development in Russian regions. *Ars Administrandi*, 9(4), 570–592. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-4-570-592 (in Russian).
- Spangenberg J.H. (2004). Reconciling sustainability and growth: Criteria, indicators, policies. *Sustainable Development*, 12(2), 74–86. DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.236>
- Turtseva K.P. (2022). Vectors of the Russian regional environmental policy design: State programs analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya=Perm University Herald. Political Science*, 16(3), 27–40 (in Russian).
- Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. (2001). Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems. *Ecology and Society*, 6(1), 5. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-00365-060105>
- Zaitsev A.G., Khapilina S.I. (2022). Prospects for the development of the ESG concept in the agro-industrial complex. *Vestnik agrarnoi nauki*, 2(95), 120–125 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aisylu G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economic), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Research – separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Scientific Institution Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: ice_lu@mail.ru)

Alsu G. Ulaeva – Candidate of Sciences (Economic), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Research – separate structural subdivision of the Federal State Budgetary Scientific Institution Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: ulyaeva.a.g@mail.ru)